

НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

Т.Ф. ПУХОВА
(Воронеж)

ТРАДИЦИИ РЯЖЕНЬЯ В КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Традиция ряженья была широко распространена в воронежских селах в 10–30-е гг. XX в. Отчеты фольклористов содержат 44 материала о ряженье из 18 районов области (всего в Воронежской обл. 33 района)¹. Информацию об этом обряде чаще всего давали жители сел достаточно пожилого возраста — 70- и 80-летние. Они говорили, что раньше, в 1910–1920-е гг., по воспоминаниям их матерей и бабушек, рядились все — и дети и взрослые: «Под Рождество ходили колядовать, пели “Рождество твое, Христе Боже наш”. Рядились — и дети и взрослые» (зап. от Ольги Тимофеевны Уваровой, 1924 г.р., с. Никольское-2 Воробьевского р-на, ВГУ АКТЛФ 2001/5).

Надо отметить, что большинство рассказов сводятся лишь к упоминанию факта ряженья и краткого обозначения внешнего облика ряженых. Описание самого действия, разыгрываемого во время прохождения обряда, встречается крайне редко. Это связано, несомненно, с фактом угасания традиции, а также с тем, что не все информанты могли в детстве и в юности (в 1930–1940-е гг.) участвовать в обряде. Тем не менее даже отрывочные сведения дают нам многое для понимания мифологических представлений русского народа. Ведь, как

¹ Характерные черты и особенности воронежского ряженья рассматриваются в статье по записям фольклорных экспедиций 1990–2004 гг. Воронежского государственного университета и Воронежской государственной академии искусств.

утверждает известный исследователь ряженья Л.М. Ивлева: «Сами приемы игры, как и особая техника создания образа, включая костюм, “грим”, маску, или коренятся в мифологических представлениях, или имеют определенные магические обоснования... Обычай этот состоит в перемене облика, в преобразении, основанном на переряживании и маскировке. Наиболее известна святочная его разновидность, которую отличает и наибольшая, если не повсеместная, распространенность» [Ивлева 1995, 29].

Большинство воронежских записей также относятся к *святочному* ряженью. Действительно, мы встречаем ряженье практически во всех праздниках святочного периода, кроме Крещения: на Новый Год, Рождество, Старый Новый год. «Рано утром на Рождество ходили по домам и христославили. При этом одевались в широкие юбки, женщины передевались в мужчин и наоборот. Христославили в доме перед иконой: “Нынче Бог родился...”. Хозяева обязаны были дать тем, кто христославил, деньги, блинцы, конфеты» (зап. от Зинаиды Романовны Молодых, 1930 г.р., с. Чесменка Бобровского р-на, ВГУ АКТЛФ 2001).

Как отмечал М.Л. Лурье, «святочное игрище — при всем множестве своих составляющих — характеризуется, во-первых, устойчивостью структуры, во-вторых, единством выразительной системы и основных концептов, в-третьих, — наличием ритуальной направленности наряду с развлекательной, что особенно отчетливо проявляется во взаимодействии ряженых со зрителями» [Лурье 1998, 107]. Святки считались опасным периодом, так как, по мифологическим представлениям славян, в период зимнего солнцеворота солнце имело наименьшую силу или только набирало ее и вся нечистая сила выходила наружу: «В описаниях отчетливо проступают

все признаки ряженья как бесовского, кощунственно-опасного и во многом запрограммированного действия» [Ивлева 1995, 29]. Человека охватывало чувство страха, неуверенности. Мотив страха при появлении ряженных встречается во многих описаниях, ряженные должны были пугать: «*Наряжались, мазались сапухой (золой), выворачивали шубы, брали вилы, метёлки и так колядовали. Спрашивали хозяев: “Вы желаете Авсень?”*» (зап. от Анны Осиповны Сухининой, 1910 г.р., с. Терновое Острогожского р-на, ВГАИ КНМ, № 948/3, 5). Чтобы испугать прохожих, делали тыкву: «*Пугали прохожих — у тыквы вырезали глаза, нос, рот, а внутрь ставили горящую свечу*» (зап. от Зинаиды Романовны Молодых, 1930 г.р., с. Чесменка Бобровского р-на, ВГУ АКТЛФ 2001); «*Под Рождество колядовать ходили дети и взрослые. Наряжались в вывороченные шубы и лохмотья*» (зап. от Веры Ефимовны Сафоновой, 1930 г.р., с. Тресоруково Лискинского р-на, ВГАИ КНМ, № 380/7).

Неслучайно в описаниях персонажей ряженья постоянно встречаются атрибуты иного, потустороннего мира, связанного с нечистой силой: вилы, метелки — атрибуты ведьм; вывернутая одежда, чучело человеческой головы (тыква с горящей внутри свечой), лохмотья, тряпки — символы потустороннего мира, «своего рода *антимира*». «Из *антиматериалов* — рогожи, тряпья, изношенной до дыр обуви, соломы, веников, корзин, пакли, веток растений — конструируется костюм ряженого. По принципу “анти” (в формах травестизма, выворачивания отдельных вещей наизнанку, переворачивания их снизу вверх, слева направо, обращения к архаическим видам наряда) используется и костюм как таковой. Такой же эффект достигается и за счет функционально-возрастного сдвига в традиционной предназначённости одежды: девушки облачаются, к примеру, в женский костюм и наоборот. Мотивы *антиповедения* вскрываются в серии характерных для окрестника поступков, и не случайно публика с ряженых не взывает, ряженным всё позволено» [Ивлева 1995, 30].

Рассмотрим **внешний облик ряженого**. «Принадлежность» к демоническому миру, бесовщине предполагает «принципиальную неузнаваемость» ряженого.

Этому служили различные средства, и в первую очередь — маски. Сохранилось только одно свидетельство из Хохольского р-на об изготовлении масок медведя и журавля, да и то от переселенцев с Украины: «*Под Новый год девушки и парни отдельно ходили по дворам колядовать. Некоторые наряжались в маски медведя, журавля. Если хозяева долго не выходили, то колядовщики им пели:*

*Нэ пора ли вам, хозяйошки,
Колядовщиков дарить,
Прыкажить нэ дэржить,
Наши ножки нэ знобить!*

Угощение хозяева готовили заранее. Это были хлеб и домашняя колбаса, пряники, а кто побогаче, тот одаривал деньгами» (зап. от Зинаиды Николаевны Припечниной, 1943 г.р., х. Парничный Хохольского р-на, ВГУ АКТЛФ 2000). Если сведений о масках почти не было зафиксировано, то в целом рассказов о внешнем облике ряженого удалось записать достаточно много. Повсеместно сообщалось, что вместо масок просто раскрашивали лицо. Еще В.Я. Пропп писал, что «маске соответствовало чернение лица сажей... Этим человек ставил себя вне рамок того, что в человеческом обществе принято» [Пропп 1995, 128].

Лицо раскрашивали: 1. **краской, карандашом**; 2. **сажей, золой**: «*Лицо карандашами да сажей мазали*» (зап. от Тамары Алексеевны Токаревой, 1931 г.р., с. Вязовка Таловского р-на, ВГУ АКТЛФ 2002); «*Лица раскрашивали сажей и красной краской*» (зап. от Татьяны Николаевны Коптевой, 1915 г.р., с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на, ВГУ АКТЛФ 2000); 3. **свеклой, морковкой**: «*На Новый год наряжались, размалёвывали себя бураком, сажей*» (зап. от Зинаиды Романовны Молодых, 1930 г.р., с. Чесменка Бобровского р-на, ВГУ АКТЛФ 2001); 4. **мелом**: «*Наряжались в разные маски, мазались сапухой (золой), разукрашивались мелом, толкли дурман-траву и зелёным по белому мазали, наряжались в тряпки*» (зап. от Анны Семеновны Дурневой, 1914 г.р., с. Коротояк Острогожского р-на, ВГАИ КНМ, № 23/10). В последнем примере описана особая раскраска; следует заметить, что дурман-трава издавна используется народной медициной и является возбуждающим средством.

В воронежских обрядах действуют те же персонажи ряженья, что и в других регионах России: 1. **черт**; 2. **ведьма**; 3. **женних с невестой**: «Вечером перед Рождеством ходили распевали колядки, носили кутью, наряжались в разные костюмы, чтобы не узнали. Наряжались и на Новый год, и на Святки. Наряжались **чертом, ведьмой, невестой с женихом**. Ходили по дворам наряженные, плясали. Хозяйка дома их угощали. Шедровали» (зап. от Марии Христофоровны Бочарниковой, 1927 г.р., с. Гороховка Бутурлиновского р-на, ВГАИ КНМ, № 860/6); 4. **цыган**: «На Коляду пекут пышки, готовят кашу. Рядились **цыганами**, красились сапухой. Проходили кулачки» (зап. от Анастасии Федоровны Мамычевой, 1908 г.р., с. Прилепы Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 428/45—49); 5. **старик**: «На Рождество рядились **цыганами, стариками**. Заходили в дом и говорили: “Ну-ка, бабка. Глянь-ка у сундучок, достань пятачок” или: “Полезь на потолок — нет ли дедовых порток?”» (зап. от Марии Ивановны Ловчиковой, 1928 г.р., с. Каменка Семилукского р-на, ВГАИ КНМ, № 703/1, 10); 6. **мужик**: «Ходили ряженые. Рядились в **мужика, в цыганку**. Ходили колядовать» (зап. от Анны Павловны Абакумовой, 1920 г.р., с. Глушицы Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 817/6, 8).

Наряжались также **животными**: 1. **козлом**; 2. **медведем**; 3. **журавлем**; 4. **конем**: «Ходили по домам и обсыпали зерном иконы. Желали здоровья, богатства, урожая, счастья. Колядовщиков одаривали. Рядились **разными зверями**» (зап. от Анны Степановны Галдабиной, 1914 г.р., с. Татарино Каменского р-на, ВГАИ КНМ, № 357/16, 19); «На Святки рядились в **козла, цыганами**» (зап. от Ангелины Ильиничны Кутищевой, 1924 г.р., с. Углынец Верхнехавского р-на, ВГАИ КНМ, № 451/28); «Вечером колядовали. Рядились **колядовщики в коз, медведей**, выворачивали шубы» (зап. от Галины Ивановны Филимоновой, 1919 г.р., с. Айдарово Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 630/4); «Наряжались в **конский волос, приклеивали усы**» (зап. от Марии Христофоровны Бочарниковой, 1927 г.р., с. Гороховка Бутурлиновского р-на, ВГАИ КНМ, № 860/6).

Одежда ряженных выполняет уже названную функцию «антиповедения» — это вещи, непригодные для носки в силу

несоответствующего размера, качества, половой принадлежности.

1. Одевались **кто как**, в любую одежду: «На Старый Новый год вечером собираются девочки и ребята, те, которые постарше, с 14 лет, кому уже позволяли ходить на улицу. Вот они одевались **кто во что горазд**, колядовали» (зап. от Надежды Алексеевны Шишкиной, 1951 г.р., с. Петровское Борисоглебского р-на, ВГУ АКТЛФ 2004).

2. Надевали вещи **не своих размеров**, например дети — вещи взрослых: «На Рождество дети собирались небольшими группами и ходили колядовать. Они для смеху одевали **родительские шубы, большие шапки**. Мальчишки помазывались сапухой, девочки красились» (зап. от Серафимы Ерофеевны Лангиной, 1918 г.р., с. Монастырщина Богучарского р-на, ВГУ АКТЛФ 1998).

3. Надевали вещи **представителей противоположного пола**, например, женщины одевались в одежду мужчин и наоборот: «Взрослые ходили ряжеными на Святки: рядились в **вывернутые шубы, бабы — в мужиков, мужики — в баб**» (зап. от Прасковьи Тимофеевны Косяченко, 1929 г.р., х. Индычий Петропавловского р-на, ВГУ АКТЛФ 2003).

4. Одевались в **вывернутую наизнанку** одежду, мехом наружу: «В Новый год с утра парни и девушки собирались улицей и шли на “щедровку”, значит — поздравлять с Новым годом. Щедровщики наряжались в праздничные одежды. Парни были в **вывернутых наизнанку полушубках, валенках**, а девушки надевали юбки с широкими лентами, казачки, полушубки, разноцветные шали на голову» (зап. от Татьяны Николаевны Коптевой, 1915 г.р., с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на, ВГУ АКТЛФ 2000).

5. Делали **искусственные усы**: «На Святки водили танки, катались на салазках с яра. Пели щедровку: “Щедрики — ведрики, дайте вареники”. Ходили ряженые. Наряжались в конский волос, **приклеивали усы**» (зап. от Марии Христофоровны Бочарниковой, 1927 г.р., с. Гороховка Бутурлиновского р-на, ВГАИ КНМ, № 860/6).

6. Зимой обували **лапти**, делали головной убор из **соломы**: «Наряжались в вывороченные шубы, **соломой обвёртывают голову, одевают лапти** и ходят по

домам» (зап. от Елены Ивановны Лесных, 1918 г.р., с. Большой Самовец Эртильского р-на, ВГАИ КНМ, № 384/5, 11). Солома в качестве головного убора неслучайно фигурирует в ряженье: «Солома как атрибут святочных обрядовых действий подчеркивает общность отмеченных персонажей с мифологическими представлениями о духах, населяющих житные поля, овины, амбары и т.д. Связь обнаруживается и при сопоставлении с деталями и образным строем пожинальных обрядов» [Лобкова 1995, 40].

Не только внешний облик, но и поступки ряженных можно было отнести к «антиповедению». Например: «В первый день нового года ходили компаниями по домам ряженные с песнями и шутками. Они поздравляли хозяев, желали благополучия и счастья, пели колядки. Часто в шутку обменивали ворота у дворов, угоняли телеги, а днем их искали» (зап. от Ольги Михайловны Чуриловой, 1930 г.р., с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на, ВГУ АКТЛФ 1991).

Из дореволюционных архивных источников известно, что поведение ряженных было очень активно: «Они бесцеремонно и чаще всего очень шумно вторгаются в праздничную толпу. Они именно “залетают” в избу, где собралась на посиделки молодежь. Чередой кувырканый, неистовыми прыжками, стремительными плясовыми движениями завладевают они пространством, необходимым для игры» [Ивлева 1995, 29].

Веселье и разгул святочных вечеров заканчивались с наступлением Крещения. С окончанием Святков наступала пора очищения от всех грехов. Г.В. Лобкова, по данным экспедиции в Вологодскую обл. 1960—1990-х гг., пишет: «С окончанием Святков, в Крещение, мужики, рядившиеся Страшными Кудесами, окунались в прорубь в одежде Кудеса, на перекрестках дорог жгли солому, дрова — провожали Святки; остальные жители закрещивали двери, окна, колодцы, проруби, преграждая места прохождения духов в мир живых» [Лобкова 1995, 40]. В Воронежской обл. также проводятся очистительные обряды на Крещение: «На Крещение во дворах жгли костры — дом освящали, всю нечисть выжигали» (зап. от Пелагеи Трофимовны Гончаровой, 1922 г.р., с. Полубяновка Каширского р-на, ВГУ АКТЛФ 2004); «На Кре-

щение купались в Иордани» (зап. от Анны Тимофеевны Сергеевой, 1923 г.р., с. Крутич Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 696/26, 30); «День перед Крещением назывался Свечки. В этот день почти не ели. Сама хозяйка рисовала кресты на дверях, на окнах, на потолках, на воротах. В церкви брали святую воду или вырубали во льду Ердань крестом и воду брали оттуда» (зап. от Зинаиды Романовны Молодых, 1930 г.р., с. Чесменка Бобровского р-на, ВГУ АКТЛФ 2001).

Святочное ряженье по современным воронежским записям в основном соответствует общерусской традиции. Здесь прослеживается традиционная установка на неузнаваемость ряженого, используются традиционные средства, необходимые для этого (краска, зола, сажа, свекла). Мы видим типичных святочных персонажей ряженья — черта, ведьму, жениха, цыгана, старика, мужика, разных животных — козла, медведя, коня, журавля. Современные записи фиксируют также описания действий, объясняющие необычный, странный, абсурдный облик ряженого, его «антиповедение».

Сами святочные игры (в «покойника», «умруна», «кузнецца», «вождение козы») до нас не дошли, поэтому архаичный подтекст ряженья в записях 1990—2004 гг. выражен гораздо слабее. Традиционные святочные игрища с отпеванием «покойника» не разыгрываются, жители села не вовлекаются в общее действо, и тем самым не наполняется жизнью аграрно-магическая идея о влиянии подобных разгульных обрядов на плодородие земли, на будущий урожай, не происходит «магическая сопричастность играющих сверхъестественным началам» [Ивлева 1998, 166].

Игровое начало в воронежских святочных обрядах оказалось ослабленным, но аграрная продуцирующая магия всё равно присутствует, только несколько в иной форме. Если снова обратиться к рассказам о ряженных, то можно увидеть, что практически в любом из них ряженные «колядовали», «щедровали», «посевали» или «меланковали»: «Под Новый год рядились, колядовали и обсыпали хозяев пшеницей: “Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю...”» (зап. от Полины Петровны Щеголеватых, 1929 г.р., с. Урыв-Покровка Острогожского р-на, ВГАИ КНМ, № 1001/9). Ряженные, уча-

ствующим в колядовании, совершали магический обряд, который должен был вызвать в будущем обильный урожай.

Исследуя ряженые в разных регионах России, фольклористы пришли к выводу, что «для святочного ряженья были свойственны две формы: обходная и посиделочная (вечерочная). В первом случае ряженые обходили все дома своей деревни, а нередко и соседних селений, где за свою игру, пение (иногда исполнение колядок) и пляски получали угощение и дары. По форме и целям обходное ряженое было близко колядованию. Другая форма ряженья связана с традицией игрищ молодежи в святочное время» [Мадлевская 2002, 496]. Для воронежской традиции более характерна первая форма святочного ряженья — обходная. В подавляющем большинстве рассказов описывается, как ряженые идут, обходят дом за домом и при этом колядуют: «На Новый год рядились в шубы, сверху шерстью. Рукава тоже наизнанку, подпоясывались, платком подвязывались. **Вот и пошли**» (зап. от Тамары Алексеевны Токаревой, 1931 г.р., с. Вязовка Таловского р-на, ВГУ АКТЛФ 2002); «Вечером перед Рождеством **ходили**, распевали колядки, носили кутью, наряжались в разные костюмы, чтобы не узнали» (зап. от Марии Христофоровны Бочарниковой, 1927 г.р., с. Гороховка Бутурлиновского р-на, ВГАИ КНМ, № 860/6); «**Ходили ряженые. Рядились в мужика, в цыганку. Ходили колядовать**» (зап. от Анны Павловны Абакумовой, 1920 г.р., с. Глушицы Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 817/6, 8).

Ряженые в обрядовом фольклоре Воронежской обл. происходило в течение всего календарного года. Мы встречаем разные его формы не только в зимний, но и в **весенне-летний период**.

Следующий праздник, в котором участвовали ряженые — **Троица**. Здесь ряженые использовались для троичного обхода домов и сбора даров: «Красили яйца², ходили на кладбище. Рвали траву, ею устилали пол дома, кленовыми листьями украшали дома, заборы. Ходили в лес

² Ср.: «На Троицу девочки брали яйца из дома, шли в лог и там их варили и красили <...> (“травы накипаем зелёной в кипятке”). Обменяются яйцами — значит покумиться» (зап. от Агафьи Корнеевны Плешаковой, 1915 г.р., с. Боево Каширского р-на, ВГУ АКТЛФ 2004).

“кленки завивать”. Девушки делали венки из клёна, кумились. Венки бросали в Дон, гадали на них. По деревне ходили **ряженые**, им давали угощения — муку, пшено, яйца. На второй день Троицы пекли блины» (зап. от Анны Андреевны Гуровой, 1911 г.р., с. Петино Хохольского р-на, ВГАИ КНМ, № 550/13).

В отдельных воронежских селах хорошо сохранилось ряженое на **русальную** (троицкую) **неделю**: «После Троицы была косматая неделя, русальная неделя. Капусту сажали до Троицы, а то после, в русальную неделю, будут “простовилки” на ней» (зап. от Матрёны Устиновны Колесниковой, 1921 г.р., с. Абрамовка Таловского р-на, ВГУ АКТЛФ 2002); «Через неделю после Троицы в селе отмечали русальную неделю, называли русальное заговенье, был русальный пост. Одевались ряжеными, устраивали гулянья. Русалками убирались испокон веков» (зап. от Екатерины Андреевны Киреевой, 1925 г.р., с. Курбатово Нижнедевицкого р-на, ВГАИ КНМ, № 887/39); «Русалкой была женщина с распущенными волосами. Был обычай провожать русалку. На русалкино заговенье скоромное не едят» (зап. от Марии Ивановны Лямзиной, 1916 г.р., с. Карачун Рамонского р-на, ВГАИ КНМ, № 813/24); «На следующей неделе после Троицы — русалки. Молодежь и детвора лицо намажут, бегут, гагочуть. И в вядро бьют, кто чо, што ни смяшней. Дети рядились в понёвы. Идут недалёка — на парядку прайдуть да назад» (зап. от Нионины Алексеевны Ефимовой, 1933 г.р., с. Каменно-Верховка Каширского р-на, ВГУ АКТЛФ 2004).

Развернутые, с обилием деталей рассказы о ряженые удалось записать в с. Оськино Хохольского р-на, где до недавнего времени «водили русалку». Действия с участием ряженых за неделю до начала русальной недели были следующие: «На Троицу водили “танку” (обычно в неделю перед возведением “русалки”). “Танка” водилась в специальных костюмах. Одевали старую одежду, рвали ее на полосы, ленточки так, чтобы лохмотья волочились по земле и поднимали пыль, когда женщины начинали плясать. Свои лица они окрашивали: брови чернили углем, щеки и губы натирали свеклой и морковкой, волосы сильно лохматили. Иногда мужчины наряжались женщинами. В этих костюмах люди с песнями и плясками шли

по селу. На ноги надевали старые валенки, у которых надрезалась подошва, и когда ногами сильно топали, она отваливалась. Навстречу шествию выбегали дети, и тогда ряженые начинали стегать их кнутами, припасенными заранее. Дети бросались врассыпную, ряженые за ними, поднималась сильная пыль, летели подошвы, оторванные от валенков. В “танку” играли и взрослые и дети» (зап. от Анны Семеновны Поповой, 1914 г.р., с. Оськино Хохольского р-на, ВГУ АКТЛФ 1990). В данном описании облик ряженых традиционен: одеты в лохмотья, лица накрашены свеклой и морковкой, волосы взлохмачены, на ногах валенки, хотя действие происходит в июне. Также традиционно сочетание страшного и смешного: ряженые пугают детей, хлещут их плеткой и в то же время вызывают смех, когда на глазах у всех разваливаются их валенки. В то же время одна деталь в костюме ряженых с. Оськино прямо указывает на то, что это костюм русалки: низ юбки порван на ленточки так, чтобы лохмотья волочились по земле.

«Водили русалку» через неделю после Троицы. Чучело русалки делали в виде коня³ «с рогами и бородой из конопли. Вел “русалку” ряженный “цыган” с длинной плеткой или кнутом. Иногда водили двое-трое: один вел за узду, другой шел с плеткой, третий — “цыган”. Иногда с ними шла женщина, одетая цыганкой, она всем гадает и за гаданье просит награду. “Русалка пляшет”, за людьми бегают, брухается [бодается]. Три-четыре женщины с ведрами собирали подарки, которые давали русалке. “Русалка” обходила все дворы в селе. Подойдя к дому, она била рогами в ворота, ложилась и не уходила, пока ей не дадут подарок (яйцо, кусок мяса). Ряженые водили хоровод вокруг “русалки”, приплясывали. Одевались как можно смешнее и чуднее. Женщины одевали поневы, яркие кофты, цветастые платки, лапти, мазали брови сажеей, красили щеки свеклой. Шествие проходило по всему селу. После того как всё село обошли и набрали подарков, заходили в какой-нибудь дом и начинали пригото-

³ Ср.: «Русалка — это привидения, на коня похожие, они человеку вредят, и гулять допоздна нельзя» (зап. от Клавдии Михайловны Токаревой, 1924 г.р., с. Бабинка Аннинского р-на, ВГУ АКТЛФ 2002).

ливать обед. Все участники обедали, веселились, пели песни, плясали» (зап. от Анастасии Михайловны Андреевой, 1933 г.р., с. Оськино Хохольского р-на, ВГУ АКТЛФ 1990).

Ряженые присутствовали и в обряде **похорон русалки**, записанном в с. Каверье Семилукского р-на: «Набивали соломой или сеном чучело. Убирали полотенцами, клали его на палки, несли четыре человека, все остальные шли следом и голосили как по покойнику. “Ой, милая детушка, горько-горькою я осталась одна, я на тебя надеялась, а ты умерла”. Русалку несли в рожь и там оставляли. Старики говорили: “Если не будете прятать русалку, то она вас встретит и напугает”. Приглашали безродную бабку, и она голосила. Ребята “набегали” на чучело, её трепят, но всё равно несут в поле, в рожь и там хоронят. Ходили ряженые — распределялись роли: были “мать”, “отец»» (зап. от Ульяны Михайловны Солодовой, 1938 г.р., с. Каверье Семилукского р-на, ВГАИ КНМ, № 436/4, 38). Похороны «русалки» — это «похороны под смех». В данном обряде появляются новые образы ряженых. У «покойной» русалки есть «мать» и «отец», которые ее горько оплакивают. «Смерть» русалки, ее похороны в поле, плачи и голошения ряженых означают только ее скорое воскрешение в виде благодатного дождя.

В других селах на русальную неделю ряженые совершали обходы домов с целью получения даров: «В с. Синие Липяги в русальскую неделю девушки “русалили”. Ходили по домам и спрашивали под окнами, как зовут их будущего жениха. “Русалки” пугали людей — стучались в окно, а когда выглядывали люди, подносили к лицу свечу, что делалось с целью устрашения. “Русалки”, как считалось, приносили в дом радость. Молодые девушки **рядились** и ходили по домам, где их одаривали, а они желали людям добра» (зап. от Марии Константиновны Нестеровой, 1928 г.р., с. Синие Липяги Нижнедевицкого р-на, ВГУ АКТЛФ 2004).

Ряженье сопровождало воронежских крестьян и в **период уборки хлебов**, особенно в период его окончания. К сожалению, из современных экспедиционных записей об этом свидетельствует только одна: «На Петров после уборки урожая устраивали “сабантуй” с ряженными» (зап. от М.В. Миляевой, 1918 г.р.,

с. Гвазда Бутурлиновского р-на, ВГАИ КНМ, № 371/40).

Рассмотрев традиции ряженья в Воронежской обл., мы приходим к выводу, что ряженье было достаточно широко распространено, но распределено неравномерно на протяжении календарного года. Особенно богато было представлено ряженье на Святках. В Воронежском крае оно напрямую связано с колядованием, исполнением колядок, посеваний, христославий, щедровок. Ряженные имеют традиционный внешний облик, сохраняется типичная система образов, но самого действия ряженных, святочных обрядовых игр, проводимых ряженными, к сожалению, экспедиции 1990—2005 гг. не выявили. Ряженье на русальную неделю, напротив, оказалось более устойчивым, о чем свидетельствует обряд вождения и похорон русалки.

Несмотря на то что многое в традиционном ряженье Воронежской обл. утрачено, сохранилось главное: приход ряженных символизировал борьбу сил умирающей и воскресающей природы. В обрядах, в которых принимали участие ряженные, прослеживается аграрно-продуцирующая магия, традиционная для земледельцев.

Литература

Ивлева 1995 — *Ивлева Л.М.* Окрутки, хуляки, страшки // *Живая старина.* 1995. № 2. С. 29—30.

Ивлева 1998 — *Ивлева Л.М.* Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб., 1998.

Лобкова 1995 — *Лобкова Г.В.* Сдоблялись на Святки Кудесам // *Живая старина.* 1995. № 2. С. 38—40.

Лурье 1998 — *Лурье М.Л.* Ряженный и зритель: формы и функции ритуального контакта (битъё) // *Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой.* СПб., 1998. С. 106—127.

Мадлевская 2002 — *Мадлевская Е.Л.* Ряженье // *Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия.* СПб., 2002. С. 493—501.

Пропп 1995 — *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

Сокращения

ВГАИ КНМ — Воронежская государственная академия искусств. Кабинет народной музыки.

ВГУ АКТЛФ — Воронежский государственный университет. Архив кафедры теории литературы и фольклора.

Е.А. ЗАЙЦЕВА

(Москва)

ПАРОДИИ НА ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ

Неотъемлемой частью народного праздника являются ритуальные бесчинства, идущие от времен языческой Руси. Глубинный смысл различных форм празднично-игрового поведения — пляски, ряжения, а также собственно игр — раскрывается в работах, посвященных русской обрядовой и театрально-игровой культуре народа [Ивлева 1994; Морозов, Слепцова 2004]. Одним из важных приемов, ею используемых, является пародирование церковного богослужения.

Пародия¹ — характерная черта смеховой культуры средневековья. Как указывал М.М. Бахтин, «... исключительная односторонняя серьезность официальной церковной идеологии приводила к необходимости легализовать вне ее, то есть вне официального канонизированного культа, обряда и чина, вытесненные из них веселость, смех, шутку. И вот рядом с каноническими формами средневековой культуры создаются параллельные формы чисто смехового характера. <...> Зачатки веселья и смеха могут быть вскрыты и в литургии, и в похоронном обряде, и в обряде крещения, и в обряде свадьбы, и в целом ряде других религиозных ритуалов» [Бахтин 1990, 86]².

«Параллельные формы чисто смехового характера» воссоздавали в преобразованном виде музыкально-поэтическую стилистику, сложившуюся в церковном

¹ Пародия (греч. *parodia* — букв. пение наизнанку) — 1) шуточное подражание, воспроизводящее в преувеличенном виде характерные особенности оригинала; 2) смешное подобие чего-либо [Словарь 1989, 373].

² На образцы окарикатуренного воспроизведения литургической обрядности, так называемые празднества «глупцов», «шотов» или «ослов», указывал Р.И. Грубер в одной из глав «Всеобщей истории музыки» — «Проникновение в григорианский хорал народной музыки» [Грубер 1956, 113—114].